

УДК 316.4

*Тураев В.А.
Turaev V.A.*

Особенности идентификации малочисленных народов Дальнего Востока в условиях трансформации

Features of identification of Indigenous Peoples of Far East in the conditions of social transformation

В статье на основе этносоциологических исследований рассматриваются особенности идентификационных процессов у коренных малочисленных народов Чукотки и Камчатки в условиях глубокой общественной трансформации. Анализируется воздействие социально-экономических и политических факторов на изменения в этнической, идейно-политической и других видах самоидентификаций.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы Чукотки и Камчатки, особенности современной идентификации, этническая, гражданско-государственная, территориальная, политическая идентичности*

On the basis of ethno-sociological research discusses the features of identification processes in the indigenous peoples of Chukotka and Kamchatka in deep social transformation. Analyzes the impact of socio-economic and political factors on the changes in the ethnic, ideological, political and other forms of identity.

Key words: *indigenous peoples of Chukotka and Kamchatka, especially modern identification, ethnic, civil state, territorial, political identity*

Модернизация российского общества (переход в качественно новое состояние), как свидетельствуют многочисленные исследования [7; 8; 9; 10; 3 и др.], встречает известные трудности. Это связано, прежде всего, с незавершённостью процессов социокультурной модернизации, которую принято понимать как формирование определённого (модернистского) типа сознания и вытекающих из него поведенческих практик граждан. Особенно сложно протекает она на селе, переживающем сегодня самые глубокие потрясения со времён 30-х годов XX века, а также в таких специфических сообществах российского социума, как коренные малочисленные народы.

В целом ментальное состояние коренных народов во многом продолжает воспроизводить сознание традиционного общества. Вместе с тем, в ментальности коренного населения в последние годы происходят и определённые сдвиги, что в корне меняет традиционные представления об аборигенных сообществах, как глубоко статичных, практически не реформируемых социальных образованиях. К сожалению, эти тенденции

не стали пока объектом изучения, хотя представляют большой научной интерес. Восполнить в той или иной мере этот пробел и было призвано исследование проблем социокультурной модернизации у коренных народов Дальнего Востока в рамках программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (направление 2 «Модернизация и её влияние на российское общество»).

Исследование предусматривало получение данных по весьма широкому кругу вопросов: материальное положение коренного населения, его социально-психологическое самочувствие, степень адаптации к новым условиям, отношение к реформам и политике российского государства и т.п. В настоящей статье рассматривается лишь один срез проведённого исследования – особенности самоидентификации у коренных народов Чукотского автономного округа и Камчатского края в условиях модернизирующегося общества.

При определении выборки совокупности (200 чел.) использовался один из видов неслучайного отбора – целевой. Отбирались респонденты в возрасте 40 лет и старше (метод типичных представителей), как отвечающие наиболее важному для целей исследования критерию – возрастному. К началу рыночных реформ они представляли собой типичных представителей советского общества с соответствующими тому времени представлениями о жизни и обществе. Именно они оказались на острие рыночных реформ, на их долю пришлось основная ломка сложившихся представлений и стереотипов.

В силу определённой субъективности метод типичных представителей, конечно, ненадёжен для выводов о количественных распределениях в генеральной совокупности, однако он экономичен, удобен для осуществления и вместе с тем позволяет обнаружить определённые тенденции. Выборочная совокупность дополнительно репрезентировалась по типу поселений.

На Чукотке исследования проводились в городе Анадыре, сёлах Канчалан и Марково. В Анадыре сосредоточена значительная часть представителей коренных народов, имеющих высшее образование, современные профессии, занятых в различных сферах экономики и государственного управления. Условия жизни здесь во многом приближаются к условиям крупных городов. Село Канчалан – одно из немногих чукотских сёл, которое за годы реформ подверглось коренной перестройке и воспринимается сегодня как образцово-показательное. Село практически мононациональное: из 590 жителей 558 чукчи. В Канчалане работает муниципальное сельхозпредприятие, созданное на базе бывшего совхоза. Всестороннее обновление жизни канчаланцев не могло не отразиться на их сознании, на отношении к реформам и их результатам. В Марково, в отличие от Канчалана, 20 лет реформ почти не оставили на облике села сколь-нибудь видимых изменений. Основанное в середине XIX века потомками первых русских казаков и обрусевшими аборигенами, оно, безусловно, – самое известное село на Чукотке. Его этнический состав представлен русскими, чуванцами, эвенками и чукчами. Для села характерно наличие всех проблем, с которыми сталкиваются сегодня национальные поселения Дальнего Востока.

На Камчатке исследования проводились в сёлах Карагинского района Тымлате, Караге, посёлке Оссора, а также в селе Анавгай Быстринского района. Карагинский район в настоящее время, пожалуй, больше всех других территорий бывшего Корякского автономного округа вписан в систему рыночных отношений. Здесь располагается больше половины всех предприятий рыбной промышленности округа. Через развитие иностранного туризма вписался в рыночные отношения Быстринский

район Камчатки. Всё это не могло не повлиять на отношение жителей к действительности, а, следовательно, и на их сознание.

Среди множества идентичностей, определяющих бытие человека, для коренных малочисленных народов самой, пожалуй, существенной, казалось бы, должна быть этническая идентичность – чувство принадлежности к этнической общности. Её значимость вытекает из самого факта малочисленности этих народов, что делает их этническое существование весьма проблематичным в современном мире. Этническое самосознание не может не сопротивляться нивелирующим тенденциям, которые несёт с собой глобализация. Так ли это?

Формировать этническую идентичность могут разные факторы, но в любом случае в её основе лежит граница. В роли такой границы обычно выступают язык, антропологический тип, особенности религии, хозяйственная специализация и т.п. Все эти факторы, однако, хорошо «работают» в культурах слабо затронутых ассимиляцией и аккультурацией. Для коренных народов, у которых эти процессы насчитывают не одну сотню лет, они во многом утратили свои дифференцирующие признаки уже в первой половине XX века.

К началу 1950-х гг. основной границей с приезжими у аборигенов была их профессиональная специализация – занятие оленеводством и охотой. Этот хозяйственный водораздел и формировал особенности идентификации. Этническая идентификация как бы вытекала из профессиональной. У русских представление о коренных народах (образ «они») было связано с их профессиональными особенностями даже в большей степени. Чукчи, коряки, постоянно живущие в посёлках, воспринимались как «не настоящие». По мере того, как охота превращалась в весьма доходную отрасль, в результате чего туда пришло много русских, а оленеводство почти прекратило существование, профессиональная граница перестала определять и этническую идентификацию. Содержание идентичности, как видим, очень подвижно, зависит от времени и конкретной ситуации. В её основе реальность отношений, а не набор признаков.

Среди факторов, формирующих современную этническую идентичность, респонденты чаще всего называют малую Родину – чувство родной земли, с которой кровно связаны несколько поколений и без которой многие просто не мыслят своего существования (табл. 1). 45% респондентов не хотят менять место жительства даже ради значительного улучшения своего материального положения. Привязанность к родной земле, как

Таблица 1. Факторы, формирующие этническую принадлежность, %

	Чукотка	Камчатка
Родная земля	81	79
Культура/обычай	66	76
Общее историческое прошлое	56	46
Язык	41	57
Черты характера, психология	29	29
Внешний облик	16	10
Религия	7	15
Сумма не равна 100%, можно было выбирать несколько вариантов		

фактор, формирующий этническую идентичность, стоит на первом месте во всех сёлах, кроме Анавгая. В связи с этим есть основания говорить, что восприятие территории, сформировавшийся на ней образ жизни и определённый тип социальных взаимодействий – есть важнейшая составляющая этнической идентичности. Не последнюю роль в таком понимании сыграло и признание за малочисленными народами статуса коренных, выделение их в особый объект политики и права, в результате чего все они осознают свою общую отличительность – укоренённость.

Вторым по значимости объединяющим признаком для всех респондентов является культурный комплекс. Значимость этого фактора выше средних показателей среди лиц с высоким уровнем образования (в Анадыре), а также в Анавгае и Тымлате. В Анавгае это можно объяснить включённостью культурного комплекса в систему экономических отношений: демонстрация своей культурной отличительности перед иностранными туристами стала важным фактором материального благополучия многих анавгайцев. В Тымлате повышенная значимость культурного комплекса, скорее всего, воображаемая. Большинство его жителей – переселенцы с западного побережья Камчатки. Память о закрытом в начале 1980-х гг. селе Реккиники с его этнокультурными особенностями не исчезла до сих пор. Бывшие реккинцы, преимущественно оленеводы, явно или неявно продолжают противопоставлять себя коренным тымлатцам, всегда бывшими оседлыми жителями.

Есть ощущение, что повышенная значимость культурного комплекса в формировании этнической идентичности на Камчатке, во многом связана со стремлением выдать желаемое за действительное, и объясняется, скорее всего, более высокой степенью ассимилятивных процессов её коренных народов. Хорошо известно: чем острее ассимиляция, тем востребованнее элементы культурной атрибутики этничности.

В рейтинге факторов, формирующих этническую идентичность, язык, на котором обычно и строится этническая идентификация, занимает на Камчатке третье место, на Чукотке – четвёртое. В качестве определяющего этническую идентификацию его не назвали даже в Канчалане, где чукотскую речь ещё можно услышать на улице. Такая ситуация является отражением тех проблем, с которыми сталкиваются языки коренных народов. Любое явление культуры, в т.ч. и язык, прекращая бытование, перестаёт определять и этнокультурную принадлежность. В то же время память о языке, как этнообъединяющем факторе, всё ещё жива в сознании людей, которые продолжают наделять его этими функциями, но теперь уже лишь в качестве символа этничности.

Значимым показателем современной этнической идентичности, как это следует из опроса, является «общее историческое прошлое». Трактовка исторического прошлого способна и объединять и разделять этнические общности. Яркий пример тому современная Украина. Что же лежит в основе этого объединяющего признака у коренных народов?

За последние 30 лет отечественными исследователями и журналистами написаны сотни страниц о судьбе российских народов в условиях тоталитарной власти. Судьба коренных народов в советский период их истории также отмечена многочисленными потерями – потерями языка, традиционных верований, хозяйственных традиций и т.п. Эти потери, благодаря прессе, политической риторике активистов хорошо осознаны массовым сознанием. Историческая память, актуализированная политической ситуацией, приобрела характер общего знания, которое связывает членов группы и служит основой для её отличия от других этнических групп. Наиболее ярко это проявляется на Чукотке.

Примерно для трети респондентов на обеих территориях не потеряла своей идентифицирующей значимости такая трудноуловимая кате-

гория, как «психология» – совокупность социально-психологических качеств, свойственных носителям той или иной этничности, зато внешний облик и особенно религия практически утратили дифференцирующее значение. Правда, следует иметь в виду, что религиозность, как объединяющий признак, и религиозность, как внутреннее свойство личности, очень разнятся.

Жизнь человека (народа) не очерчена только этнической идентичностью. Она всего лишь одна из множества идентичностей, при этом, как мы увидим ниже, далеко не самая главная. Определённое представление о значимости того или иного вида идентичности даёт таблица 2. В иерархии самоидентификаций этническая идентичность занимает третье место. На Чукотке в большей степени она выражена лишь в Анадыре, где среди респондентов преобладают представители интеллигенции (68%), а на Камчатке – в Анавгае (48%), жители которого в последние годы привыкли демонстрировать свою этническую принадлежность перед иностранными туристами. Самые низкие показатели этнической идентичности в Марково (21%), но это, судя по всему, вообще в традициях марковцев. Определить их этническую принадлежность исследователи затруднялись и в конце XIX века.

Всё это не означает кризиса этнической идентичности. Заметно уступая другим видам идентичности, этническая принадлежность, тем не менее, не потеряла своей значимости почти для половины респондентов. 45% опрошенных на Чукотке и 48% на Камчатке никогда не забывают, что они являются представителями своего народа. Любопытную ремарку оставил по этому поводу респондент в Анадыре: «я и рад бы забыть этническую принадлежность, да мне не дают этого сделать».

Преобладающими формами идентичности названы территориальная и общероссийская (гражданско-государственная). Высокие показатели гражданско-государственной идентичности (российское), её безусловное доминирование над идентичностью этнической могут показаться странными. Опыт современной жизни респондентов вряд ли мог сформировать у них повышенное чувство причастности к повседневной жизни страны. В последние десятилетия государство если и не забыло о существовании этой части своих сограждан, то, во всяком случае, серьёзно дистанцировалось от их проблем, да и всероссийские опросы свидетельствуют, что самоидентификация респондентов с современной Россией (осознание себя гражданином РФ) характерна менее чем для трети

Таблица 2. Значимость различных видов идентичностей, %

Варианты ответов	Чукотка	Камчатка
Жителем своего края (округа)	79	72
Гражданином РФ	66	60
Представителем своего народа	42	42
Жителем своего села	40	39
Представителем своей профессии	9	13
Дальневосточником	3	12
Жителем своего района	6	8
Сумма не равна 100%, можно было выбирать несколько вариантов		

опрошенных [8, с. 40]. На этом фоне можно утверждать, что процесс разгосударствления сознания человека (термин Ю.А. Левады), фиксируемый в последние годы многими исследованиями в других регионах и у других народов, затронул коренные народы Чукотки и Камчатки в меньшей степени. При этом для 57% респондентов быть гражданином своей страны важнее, чем быть представителем своего народа.

Можно конечно объяснять эту ситуацию высокой степенью ассимиляции коренных народов, но дело не только в этом. Чукотка и Камчатка – специфичные регионы. Поддерживать здесь более или менее нормальную жизнь в состоянии только государство. Уже в силу этого обстоятельства люди и связывают с ним своё благополучие. «Российскость» в сознании респондентов поддерживается пониманием того, что все их проблемы в состоянии решить лишь федеральные власти. Принцип «рационального выбора», которым нередко определяется этническая идентификация, таким образом, проявляет себя и в гражданской идентификации. Чувство гражданского единства преобладает над этническим. Сказывается и политика патернализма по отношению к коренным народам, проводившаяся длительное время.

Отмечая высокие показатели гражданской идентичности, следует заметить всё же, что осознание себя гражданином страны выражено в настоящее время в меньшей степени, чем во времена СССР. 47% респондентов на Камчатке и 41% на Чукотке указали, что в СССР ощущали себя гражданином страны гораздо в большей степени, чем сейчас.

Говоря о территориальной идентичности, следует иметь в виду, что она весьма многослойна. Коренные народы Чукотки и Камчатки слабо отождествляют себя с дальневосточным регионом, дальневосточниками считают себя 3% и 12% соответственно. Этот вид региональной идентичности в массе своей заменяется осознанием принадлежности к Чукотке и Камчатке, которые, хотя и являются частью Дальнего Востока в географическом отношении, но воспринимаются их жителями (и не только коренными!) как вполне самостоятельные и даже во многом отличные территории. Их принадлежность к Дальнему Востоку никогда не оспаривалась, но всегда как бы выносилась за скобки. Всё это не могло не сформировать особого эмоционального состояния живущих здесь людей. Историко-культурную составляющую региональной идентичности заменяет административная принадлежность, что в условиях отдалённости и труднодоступности вполне естественно. Как показывают наши предыдущие исследования [10], на юге Дальнего Востока ситуация противоположная. Дальневосточная идентичность здесь представляется более существенной.

Важнейшая в территориальной идентичности – идентификация по реально существующим поселениям. При этом чем старше по возрасту село, чем богаче его история, тем выше значимость такого вида идентификации. На Чукотке наибольший показатель (49%) в этом отношении характерен для Марково, на Камчатке – для Караги (47%). И в том и в другом случае эти сёла – самые старые по возрасту (о карагинских коряках писал ещё С. Крашенинников). Подобную идентификацию поддерживает и культурный комплекс, характерный для того или иного поселения. Самодеятельный хор «Марковские вечерки», например, известен далеко за пределами Чукотки.

Низкие показатели профессиональной идентичности у коренных народов отражают не только исторические особенности их социальной структуры, но и те изменения, которые произошли в ней в постсоветский период. В СССР коренные народы прошли большой путь от общества однородного в социально-профессиональном плане к обществу с широкой социально-профессиональной дифференциацией. Всё это, однако, в про-

плом. На профессиональную идентичность могут указать теперь только учителя и медики, других сколь-нибудь значимых профессиональных групп в национальных сёлах среди коренных народов не осталось. Самая социально значимая в недавнем прошлом профессиональная группа среди чукчей и коряков – оленеводы в настоящее время неуклонно исчезает, особенно на Камчатке, в связи с исчезновением оленеводства.

Изменения социально-политического ландшафта современной России не могли не отразиться на ещё одном виде социальной идентичности – политической. Её понимают обычно как отождествление (согласие) с той или иной политической позицией или доктриной. Судя по опросу, идейно-политические симпатии коренных народов уже мало напоминают советские матрицы, хотя ностальгия по СССР отчасти существует – вернуться к тому, что было до реформ 1990-х гг. на обеих территориях хотели бы около трети респондентов. При этом почти половина (45% на Чукотке и 49% на Камчатке) убеждена, что при советской власти им бы жилось лучше. Как видим, есть в постсоветской действительности что-то притягательное, чему не может противостоять даже бедность.

Распределение идейно-политических симпатий среди коренных народов Камчатки и Чукотки характеризует таблица 3.

Не трудно заметить, что две конкурирующие идеологии не могут похвастаться большим числом сторонников. В этом отношении ситуация у коренных народов вполне сопоставима с результатами общероссийских опросов середины 2000-х годов [6, с. 114]. Если же отвлечься от идеологической составляющей вопроса и посмотреть на ситуацию под углом простой человеческой жизни то она будет выглядеть иначе. Число тех, кто поддерживает реформы или видит в них больше плюсов, составляет 31% на Чукотке и 24% на Камчатке. Число тех, кто относится к ним резко отрицательно или видит в них больше минусов, соответственно 27 и 29%. 20 лет назад это соотношение было похожим с той разницей, что противников реформ было меньше.

Примерно треть респондентов на обеих территориях причислило себя к сторонникам самостоятельного пути развития. В чём должна заключаться такая самостоятельность остаётся, однако, неясным. Не особенно помогли и интервью с экспертами. Полученные ответы позволяют характеризовать этот путь как нечто среднее между тем, что было, и тем, что есть. Можно полагать, что это путь рынка, очищенный от либеральных крайностей. Такую интерпретацию в некоторой степени подтверждает ответ на вопрос: «Какое государство в наибольшей степени отвечает интересам граждан?» 58% респондентов на Чукотке и 47% на Камчатке убеждены, что таким должно быть государство с господством государственной экономики, но с широкими экономическими возможностями для граждан. Примерно такая модель представляется приоритетной и для большинства россиян [9, с. 14].

Таблица 3. Распределение сторонников идейно-политических течений, %

Варианты ответов	Чукотка	Камчатка
Сторонник радикальных рыночных реформ	17	11
Сторонник коммунистической идеологии	8	11
Сторонник самостоятельного пути развития	31	32
Нет предпочтений	44	46

Отношение коренных народов к экономической политике государства достаточно критическое, однако, связано это не с их антирыночной убеждённостью, а с российскими гримасами рыночной экономики. Не случайно в рейтинге первоочередных задач, стоящих перед правительством России, создание эффективной рыночной экономики было поставлено респондентами на достаточно высокое четвёртое место.

Характерная особенность российского общественного сознания – желание видеть Россию «великой державой». Об этом в 2011 г. заявили 42% респондентов Левада-Центра [4, с. 20-21]. У коренных народов Чукотки и Камчатки сторонников великодержавности ещё больше. Среди приоритетных задач, стоящих перед правительством, задача «превратить Россию в великую державу» стоит на третьем месте. На Чукотке так считает 48%, на Камчатке – 50%. Современная российская действительность, казалось бы, не даёт для такого желания достаточных оснований. Видимо поэтому на помощь призываются события прошлого. Великодержавную идентичность россиян, по мнению экспертов, подпитывает память о победе в Великой Отечественной войне, ставшей главным опорным символом российского настоящего и будущего [5, с. 502]. Подобное отношение характерно и для коренных народов. Доля тех, кто считает победу в Великой Отечественной войне важнейшим достижением СССР, в сёлах Чукотки и Камчатки колеблется от 78 до 95%.

Память о достижениях СССР (кроме победы в войне это ещё и успехи советской космонавтики, советского спорта, атмосфера дружбы народов и др.) поддерживает в сознании людей уверенность в самодостаточности своей страны, её высокой жизнеспособности и даже особой миссии в мире. Абсолютное большинство считает, что западный путь не подходит для России. Жить по западным принципам готовы менее 4%. Большинство (64%) занимает прагматичную позицию: развивать сотрудничество с Западом, не жертвуя своими интересами. Более трети считают, что Россия ни с кем не должна объединяться.

Антизападные настроения у коренных народов присутствуют, но не они определяют их отношение к западному миру (табл. 4). Около половины опрошенных на обеих территориях убеждены, что в западной цивилизации много как хорошего, так и плохого. Это мнение, однако, теряет свою нейтральность, когда речь заходит об отношениях Запада с Россией. С утверждением, что страны Запада хотят помочь нашей стране, согласна лишь десятая часть респондентов. Больше тех, кто убеждён, что Запад – вечный противник России. На Чукотке так думает 44%, на Камчатке – 28%. Около 40% респондентов на обеих территориях придерживаются прагматической точки зрения, считая, что Запад во взаимоотношениях с Россией преследует свои цели («решает свои проблемы»). Эти цифры наверняка были бы существенно выше, если бы опрос проводился после начала украинского кризиса.

Таблица 4. Отношение к западной цивилизации, %

	Чукотка	Камчатка
Западная цивилизация – образец для всех	2	4
В западной цивилизации много хорошего и плохого	48	45
В западной цивилизации больше плохого	17	16
Затруднились с ответом	33	35

Результаты исследования дают основания говорить о формировании у коренных народов принципиально новой формы идентичности – собственнической. Число принципиальных противников частной собственности в сёлах колеблется от 3 до 8 %. В то же время около трети респондентов на Камчатке и более 40% на Чукотке рассматривают частную собственность в качестве важной демократической ценности. Ещё более показательным эмоциональным восприятием респондентами понятия «частная собственность». Среди других понятий, характерных для рыночной экономики (прибыль, конкуренция и др.), у частной собственности одна из самых высоких положительных оценок – положительные ассоциации она вызывает в целом по массиву у 77% респондентов. В отдельных сёлах в зависимости от степени их вовлеченности в рыночные отношения этот показатель достигает 81 %.

Формирование частнособственнической идентичности предполагает наличие терпимого отношения к богатству. Нельзя сказать, что респонденты совсем уж толерантны к этому явлению российской жизни. Рост числа богатых людей оценили как положительное явление 5% на Чукотке и 6% на Камчатке. Число тех, кто расценивает его отрицательно, в обоих случаях в 2 с лишним раза больше. С суждением «Различия между бедными и богатыми справедливы» на Чукотке согласился лишь каждый пятый респондент, на Камчатке – каждый седьмой. Эти цифры, однако, вряд ли стоит воспринимать как убеждение в изначальной несправедливости богатства. Скорее всего, сказываются воздействие средств массовой информации с одной стороны и специфика формирования богатства в современной России с другой.

Формирование частнособственнической идентичности не может не сопровождаться ростом индивидуалистских устремлений. Действительно, традиционный коллективизм народов Севера начинает уступать место индивидуальному творчеству. Всё больше респондентов предпочитают решать свои проблемы самостоятельно. Помощь и поддержку в трудную минуту жизни в своей этнической среде ищут в основном одинокие пенсионеры, инвалиды, многодетные и неполные семьи. Тех, кто убеждён, что добиться успеха в современной жизни можно только действуя сообща пока больше тех, кто рассчитывает на собственные силы, но эта разница уже совсем не велика. На Чукотке это соотношение выглядит как 50:46. Всё это, на наш взгляд, даёт основания для вывода, что в трансформирующемся обществе меняется и основа самоидентификации человека – ощущение себя как личности. Человек в новых условиях должен активнее, чем раньше, воссоздавать свою собственную идентичность.

Формирование новых форм идентичности, в том числе и новое осознание себя как личности, делает весьма актуальным вопрос об иждивенчестве малочисленных народов. Как показывают исследования

Таблица 5. Представления о взаимоотношении государства и общества, %

Варианты ответов	Чукотка	Камчатка
Государство дает понемногу, но всем поровну	13	19
Государство должно помогать только слабым и беспомощным	24	24
Государство гарантирует только минимум, хочешь большего, добивайся сам	48	45
Не учтены затруднившиеся с ответом	33	35

(табл. 5), коренные народы не готовы пока к либеральной модели взаимоотношений государства и человека, но и упрекать их в иждивенчестве нет оснований. Сторонников «равенства в бедности» в целом по массиву меньше одной пятой. Абсолютное большинство показали себя сторонниками социального государства, но такой выбор вряд ли можно назвать иждивенчеством.

Ограниченный объём статьи побуждает не рассматривать другие аспекты индентификационных процессов у коренных малочисленных народов. Но и то, о чём уже шла речь, даёт основания говорить о глубоких качественных сдвигах в ментальности коренных народов, обусловленных их вовлеченностью в рыночные отношения. Всплеск этнической идентичности, фиксируемый в последние годы у многих российских народов, не характерен для коренных народов. Этническая идентичность теряет свою значимость, начинает уступать место другим формам самоидентификации. Их появление при этом не ведёт к конфликту идентичностей. Нельзя сказать, что этот процесс проявляется очень сильно. Тем не менее, общий вектор государственной политики по конструированию новых форм самоидентификации затрагивает и коренные народы.

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций. М.: Наука, 2003. 207 с.
2. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М.: Летний сад, 2004. 279 с.
3. Общественное мнение. М.: Левада-Центр, 2012. 232 с.
4. Пути России. Новые языки социального описания. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 560 с.
5. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М.: Наука, 2005. 396 с.
6. Симонян Р.Х. Россия после реформ: истоки формирования массового сознания // Политические исследования. 2013. № 5. С. 100-111.
7. Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005 № 6. С. 34-45.
8. Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006 № 1. С. 33-45
9. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация России // Общественные науки и современность, 2008. № 2. С. 5-23.
10. Тураев В.А. Современное эвенкийское село (итоги этносоциологических исследований // Россия и АТР. 2009. № 4. С.52-66.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arutyunyan YU.V. Transformatsiya postsovetских natsij. M.: Nauka, 2003. 207 s.
2. Izmenyayushhayasya Rossiya v zerkale sotsiologii. M.: Letnij sad, 2004. 279 s.
3. Obshhestvennoe mnenie. M.: Levada-TSentr, 2012. 232 s.

4. Puti Rossii. Novye yazyki sotsial'nogo opisaniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 560 s.

5. Rossijskaya identichnost' v usloviyakh transformatsii: opyt sotsiologicheskogo analiza. M.: Nauka, 2005. 396 s.

6. Simonyan R.KH. Rossiya posle reform: istoki formirovaniya massovogo soznaniya // Politicheskie issledovaniya. 2013. № 5. S. 100-111.

7. Tikhonova N.E. Rossiyane: normativnaya model' vzaimootnoshenij obshhestva, lichnosti i gosudarstva // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2005 № 6. S. 34-45.

8. Tikhonova N.E. Rossiyane na sovremennom ehtape sotsiokul'turnoj modernizatsii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2006 № 1. S. 33-45

9. Tikhonova N.E. Sotsiokul'turnaya modernizatsiya Rossii // Obshhestvennye nauki i sovremennost', 2008. № 2. S. 5-23.

10. Turaev V.A. Sovremennoe ehvenkijskoe selo (itogi ehnosotsiologicheskikh issledovaniy) // Rossiya i ATR. 2009. № 4. S.52-66.